

Цикл Андрея Землянова
«ОТМОРОЗКИ»

Другим путем
Новый эталон

АНДРЕЙ ЗЕМЛЯНОЙ

НОВЫЙ
ЭТАЛОН

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
3-53

Серия «Боевая фантастика»

Оформление обложки *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

3-53 Земляной, Андрей Борисович

Отморозки: Новый эталон: роман / Андрей Земляной. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2017. — 352 с. — (Боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-982395-7

Над Россией сгущаются тучи. Слишком большая территория, слишком много ресурсов, слишком слаба власть, чтобы удержать разрываемую в клочья державу. Можно ли всё изменить и не залить страну кровью, можно ли примирить кровных врагов: большевиков и царскую семью? Можно ли вообще что-то сделать? Два человека, попавших из нашего времени во времена революционных преобразований, сделают это и ещё много невозможных вещей, потому, что они не отступают и не сдаются. Потому что они русские, к тому же полные отморозки.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-982395-7

© Андрей Земляной, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

1

Его Императорское Величество Николай II Александрович вместе с Его Императорским Высочеством Цесаревичем Алексеем Николаевичем посетили Отдельную Георгиевскую Патроната Императорской Фамилии штурмовую дивизию.

Во время встречи Его Императорское Высочество высказал пожелание принять участие в занятиях дивизии. Генерал-лейтенант Анненков приказал взять Его Императорское Высочество Цесаревича на занятия для нижних чинов и обер-офицеров. Начальник штаба Отдельной Георгиевской Патроната Императорской Фамилии штурмовой дивизии генерал-майор Львов лично провел Его Императорское Высочество Цесаревича по «полосе препятствий» и лично обеспечил участие Цесаревича в занятиях дивизии. Его Императорское Высочество Цесаревич отметил, что подготовка бойцов дивизии превосходит все виденное им ранее, и выразил пожелание в дальнейшем пройти службу именно в этой дивизии.

Газета «Петербургские ведомости», 26 июня 1916 г.

— Пошел! — громкий хлопок в ладоши, и два десятка бойцов сорвались с места.

В отличие от обычной полосы препятствий, Анненков требовал, чтобы его штурмовики тренировались в полной боевой выкладке и в условиях, макси-

мально приближенных к боевым. Бойцы бежали по полосе, напоминавшей развалины городской улицы, то скрываясь в каких-то руинах, то вновь появляясь на виду.

Цесаревич прижался к шинельному сукну отцовского рукава и заворуженно смотрел, как бойцы на бегу валят выстрелами мишени, как проскакивают через очаги горящего напалма и как шипят огнеметы, добавляя огня и дыма...

— Государь, цесаревич, пожалуйста, пригнитесь, — негромко сказал Анненков. — И вы, ваше высочество, — повернулся он к цесаревне Ольге.

Отец и сын, уж не в первый раз наблюдавшие занятия дивизии, не возражая, пригнулись, но Ольга Николаевна, просто не поняла просьбы генерала. Она не пригнулась, а напротив — чуть не по пояс высунулась из небольшого окопа, чтобы получше рассмотреть бегущего вместе со своими солдатами генерала-майора Львова, к которому цесаревна испытывала эдакое... эдакое... Собственно, она и сама не знала, как назвать те чувства, которые будил в ней этот воин с изуродованным лицом, о котором шепотом рассказывали какие-то удивительно страшные и даже жуткие истории. Пожалуй, лучше всего подошло бы определение «сердечное томление»...

...После знакомства с тогда еще полковником Львовым цесаревна дала отставку своему прежнему поклоннику Дмитрию Шах-Багову, с которым познакомилась в Царскосельском госпитале. Молодой эриванский гренадер покорила ее своей ладностью, подтянутостью, которая оставалась у него даже в больничной палате, вытеснил из сердца цесаревны воспоминания о лейтенанте с яхты «Штандарт». Но

Глеб Львов — могучий, крепкий, точно скала, неимоверно сильный, полностью занял ее мечты. К тому же Ольга прекрасно понимала: если что, то породниться с отпрыском князей Львовых еще могут разрешить, а вот с никому неизвестным Шах-Баговым... Ой, вряд ли!

И вот именно теперь, когда она любит предмет своего сердечного томления, когда она вглядывается, напрягая глаза, в эти искусственные развалины, в которых генерал-майор Львов обучает героев-штурмовиков, на собственном примере показывая, как нужно и должно сражаться, — в этот самый момент ей велят пригнуться?! Да ни за что!..

Анненков слишком хорошо знал, что сейчас произойдет. Львов-Маркин очень часто переходил все мыслимые и немыслимые границы, стараясь довести свою тяжелую штурмовую пехоту до совершенства. Там, в руинах — четыре полупудовые мины, три пудовые и одна — двухпудовая, рассчитанная на разрушение долговременных оборонительных сооружений. И они начнут рваться самое большее — через тридцать секунд...

Цесаревна в своем голубом доломане Елизаветградского гусарского полка, чьим шефом она являлась, высунулась прямо под возможные осколки от взрыва... Вот дура!..

В тот момент, когда земля содрогнулась от взрыва тридцати двух килограммов амматолы, Борис резко обнял Ольгу и пригнул ее силой к земле, прикрывая своей спиной. И сразу же зашипел от боли: увесистый обломок кирпича от всей души врезал ему под лопатку, да так, что перехватило дыхание.

Ольга разгневалась от неожиданного объятия, но тут же воздух над ее головой наполнился обломками

кирпича и комьями земли, разбросанными мощным взрывом. Она услышала глухой звук удара, увидела, как страшно перекошилось от боли лицо Анненкова, и не рванулась прочь из его рук, а попыталась осторожно высвободиться, прошептала:

— Пустите, меня, я — квалифицированная сестра милосердия. Я помогу вам...

— Уже помогли, — на грани слышимости выдохнул чернокудрый «андреевский есаул». — Боюсь, ваше императорское высочество, что если вы продолжите свою помощь, я могу ее и не пережить...

Ольга снова собиралась рассердиться, но в этот момент генерал-лейтенант в парадной черной форме Георгиевской штурмовой дивизии подмигнул ей, да так весело и лукаво, что она невольно улыбнулась ему в ответ. Правда, когда она увидела тот обломок, что ударил в широкую спину Анненкова, то снова встревожилась:

— Вам нужно немедленно показаться врачу! — заявила она безапелляционно и пояснила отцу и брату, что произошло. — Может быть внутреннее кровоизлияние или контузия...

— Увы, ваше императорское высочество, я и в самом деле контужен, — Борис уже справился с болью и теперь говорил легко и уверенно. — Контужен... в самое сердце... Кто бы мог подумать, что озорник Купидон может не только стрелять из лука, но и швыряться камнями?!

Комплимент цесаревне понравился: в меру откровенен, в меру ироничен, причем ирония над собой, а не над ней. А она слышала, что Анненков грубоват, даже более грубоват, чем ее Львов... Ее?.. Нет, нет! Она не какая-нибудь светская вертихвостка и не меняет поклонников, словно бальные митенки... Ге-

нерал-майор Львов — вот кто у нее на сердце сегодня! Но, конечно, генерал Анненков... Ольга бросила на стоявшего рядом с ней красавца быстрый взгляд: ах, есть в нем что-то, есть... А вот интересно: о чем он сейчас думает?..

В этот самый момент Борис Владимирович размышлял о том, какие аргументы можно еще привести своему отороженному товарищу, чтобы он перестал наконец использовать при обучении взрывные устройства большой мощности. В прошлый раз, при взрыве двух пудов взрывчатки три человека оказались в госпитале с переломами ног, а еще одного контузило так, что он и по сию пору слегка заикается. И как объяснить Львову, что условия, приближенные к боевым, это — замечательно, но приближенные к боевым потери — это вот никуда не годится! А сам Львов, бежавший вместе со своими штурмовиками и изрядно потевший под тяжелой кирасой, думал о том, что после этого взрыва опять придется вызывать в часть дантиста и зубного техника, потому что от сотрясения почвы крошатся зубы...

После учений в дивизии дали обед в честь императора и членов его семьи. Николай с удовольствием отведал из солдатского котла окуневой ухи, приятно удивился рыбным котлетам, которые подавались на второе, и воздал должное сладким пирожкам с ягодами и крепкому ерофеевскому чаю. К удовольствию императора, все в дивизии — от нижних чинов до самого командира — ели одно и то же и из одинаковой посуды — простых жестяных мисок. Разве что офицеры ели не деревянными ложками,

а нейзильберовыми¹ трофейными, на которых кайзеровские орлы были забиты словом «Россия».

Во время обеда Ольга искоса поглядывала то на Анненкова, то на Львова. Перед тем как сесть за стол, командир Георгиевской штурмовой вызвал своего начальника штаба в кабинет, и там они что-то обсуждали, а потом долго кричали. То ли друг на друга, то ли вместе по какому-то поводу. Кажется, они обсуждали животных, чему цесаревна очень удивилась, и она даже усомнилась в том, ясно ли расслышала слово «муфлон». Да нет, вроде бы так Борис Владимирович и сказал: «Муфлон!», а потом еще что-то добавил, только она нечетко расслышала. Не то «кабан», не то «орлан»...

И еще было странно, что про животных они спорили как-то очень сильно. Ольга сама видела, как Львов из кабинета командира вышел с каменным лицом и стиснутыми до белого кулаками. Анненков вслед за ним тоже вышел мрачнее тучи. И чего им сдались эти дикие бараны?..

Цесаревна еще поискала глазами — где там похожий на тяжелое каменное изваяние Глеб. Ей иногда казалось, что и сам он словно вытесан из тяжелого крепкого серого гранита. А вот Анненков — не такой. Он словно бы стальной клинок: гибкий, но прочный и такой же сильный и грозный... Да что это она, в самом-то деле?!! Зачем опять в мысли ее лезет «черный генерал»?!! Чего он?!!

¹ *Нейзильбер* (нем. Neusilber — «новое серебро») — сплав меди, никеля и цинка. Дешевле мельхиора, а посеребренный не отличим по внешнему виду от настоящего ювелирного серебра. В Германской Кайзеровской армии столовые приборы из нейзильбера были штатными в офицерских столовых.

Ольга обозлилась на себя, даже за руку себя ущинула. Вот же привязался к ней этот атаман. Его так все в дивизии и зовут: «атаман». Даже нижние чины к нему обращаются не «ваше превосходительство», а попросту. Например: «Атаман, разрешите доложить». Или: «Атаман, там то-то и то-то...», «Атаман тут надо...», а то и просто: «Сделаем, атаман!» Так в армии не положено, хотя если посмотреть и подумать... Может быть, так и нужно? Георгиевская штурмовая так воюет, что с немцами от одного только названия этой дивизии нервные припадки случаются! Она вдруг вспомнила, как смешно задергался похожий на старого моржа вислоусый Гинденбург, когда к нему в Зимнем дворце подошел Борис и, смерив его взглядом, поинтересовался: «И как вам, генерал, русская зима? Скажите спасибо, что вы к нам не зимой в плен попали...»

Ольга представила себе, как по заснеженной русской дороге бредет толпа немцев в кургузых серо-голубых шинелях, а впереди мерно вышагивает, опираясь на стек, Гинденбург, подняв воротник и обмотав голову вместе с фуражкой каким-то странным клетчатый шарфом. И по обочинам едут казаки Анненкова с шашками наголо, а над дорогой метет и вьюжит...

Гинденбург с поднятым воротом брел перед ее глазами словно живой, и цесаревна невольно приснула. А возглавляет колонну сам «атаман» Борис, и ветер чуть треплет его смоляной чуб... ОПЯТЬ?! Да что он все время лезет в ее мысли?! Сам он — муфлон! А еще — кулан! И дикая зебра!..

...Автомобиль фыркнул и остановился возле дома на Гороховой. Борис вышел и уверенно зашагал

к подъезду. По какому-то странному стечению обстоятельств — а может быть, вовсе и не странному, а вполне закономерному, основные контакты с царской семьей и ее ближайшим окружением легли на плечи Анненкова-Рябинина. Львов-Маркин как-то очень естественно стал основным контактером с РСДРП(б) и теперь уже не только напрямую общался с большевиками, находившимися в России, но и, по его же собственному выражению: «активно пополнял полное собрание сочинений». Это означало, что Глеб вступил в активную переписку с Лениным, обменялся с ним уже шестью письмами и сейчас лихорадочно писал седьмое, в котором яростно доказывал возможность построения социализма в одной, отдельно взятой стране.

В некотором смысле Анненков завидовал своему товарищу: Николай — собеседник скучный и не очень грамотный, так что рассказывать об их беседах и спорах с императором чаще всего просто нечего. Да и не интересно. Разговоры же с Распутиным носили скорее некий профессиональный, однобокий характер, а тяжеловесный крестьянский юмор сибиряка оказался еще и не всегда понятным, и всегда — плоским. А рассказы Львова о его диспутах с большевиками даже Сашенька Хаке слушала с открытым ртом: Глеб не только умен, но и рассказчик — первый класс. Так свои контакты с большевиками описывает, что ой! Борис невольно улыбнулся, вспомнив, как они вместе с Шурочкой хохотали до слез, до икоты, до колик в животе, слушая повествование о встрече генерала Львова с большевистской ячейкой Петрограда. Смешнее всего оказался тот факт, что в результате этой встречи собравшиеся единогласно утвердили Глеба руководителем Петроград-

ской парторганизации и только после голосования вдруг вспомнили, что так и не успели принять своего свежеизбранного главаря в члены РСДРП(б)...

Все еще улыбаясь, Борис вошел в квартиру Григория Ефимовича и сразу же угодил в лапы хозяина, который ждал его в прихожей. То ли углядел в окно подъехавший автомобиль, то ли почувствовал его приближение своей необычной натурой...

— Здорово, генерал. Что-то ты меня забыл совсем. Не заходишь, к себе не зовешь. Обиделся на что?

— Дела, Гриша, дела, — отмахнулся Анненков. — Иной раз и присесть некогда. Слыхал, верно, про затею с Константинополем?

— Как не слышать, — ухмыльнулся Распутин, — когда папашка всем только об этом и говорит! Очень ему в Царьград на белом коне въехать охота, аж спасу нет.

— На белых конях иногда и на эшафот заезжают, — сухо обронил Борис и стиснул кулак.

— И так выходит, — кивнул Григорий Ефимович. — Бывает. Однако ж я ты не про то звал покумекать. Проходи давай, — он широко махнул рукой и слегка поклонился, смешно закачав бородой. — Шас чайку сварганим, мадерки тяпнем да и покалякаем об том, об сем...

— ...Нет, Гриша, хоть режь ты меня, — Анненков глотнул чаю и отставил стакан в сторону. — Ни черта из этого не выйдет! Сколько раз уже говорено-переговорено. Сейчас мы войну выигрываем, а потом по долгам расплачиваться придется. Какой у России внешний долг? Миллиардов пятьдесят? Вот нам их и придется выплачивать. Значит, налоги увеличивать. А это народ, который и без того нищий, и эко-

номику нашу дохлую окончательно вгонит в коллапс...

— Куды? — приподнял лохматую бровь Распутин. — Куды вгонит? — Впрочем, он тут же засмеялся, хотя смех и был невеселый. — Ладно, ладно, не поясняй. Чай, тоже по-непонятному гуторить могу. Ан папашка-то тоже не адивот. Он, вишь, какую штуку удумал: шас мы германца-то еще подопрем, а пося папашка хранцузам да англичанишкам — бац! Прямо в лоб: так, мол, и так, давайте-ка, драгоценные, маслом мазанные, сахарной крошкой обсыпанные, по-честному все делить! Кто больше воевал, тому больше и брать! Нам, стало быть, славян, Проливы и денег мешок, а вы уж остальное делите, как вам охота. А коли нет — он с кайзером легко мир — на условиях status quo¹ — подпишет. И его величество Вильгельм Второй легко отдаст Австро-Венгрию и Турцию с Болгарией России на растерзание, лишь бы ему никто не мешал Туманный Альбион и Третью Республику раздавить.

Борис в который раз поразился тому, как легко меняет «старец Григорий» стиль разговора и лексикон, стоит лишь затронуть серьезную тему.

— И значит дальше воевать? — спросил он серьезно. — А народ-то уже от войны устал. По деревням, поди, уже не один десяток тысяч одноногих да безруких с фронта вернули. А мужику Константинополь не нужен вовсе: он туда картошку продавать не повезет. И?..

— Дык мужичка-то папашка легко к себе привлекает, — Распутин снова напустил на себя простоватый

¹ Status quo (лат.) — «положение, которое было». Status quo применительно к войне значит вернуться к границам, существовавшим до начала боевых действий.

вид. — «Синюю бумажку» в зубы — мужик его на руках носить станет!

— Чего в зубы? — совершенно искренне изумился Анненков. — Пять рублей¹?

— Э-э, нет, дружок ты мой разлюбезный, — рассмеялся Григорий Ефимович. — Пятишница — она просто «синенькая». А синяя бумажка — купчая на землю. Задумал папашка землю у наших толстосумов да всякой титулованной сволочи отобрать да мужичкам и раздать. И синей бумажкой подкрепить. Все законно, и никто никогда не подкопается и не оспорит. И папашка станет истинным «хозяином земли Русской», о, как!

— Покойником он станет, — покачал головой Борис. — И ни ты, ни я его спасти не сможем. Не защитим. Против всего дворянства нам не выстоять... — Он закурил и хмыкнул. — Бл..., я тебя умнее считал.

— А я и есть умнее, — невесело усмехнулся Распутин. — Я все это папашке-то и обсказал, да только не верит он.

Он вздохнул и посмотрел на Анненкова. Тот пожал плечами и раздавил окурок в серебряной пепельнице:

— С царицей говорить не пробовал? Может, попробовать через нее воздействовать?

— Пробовал, — ответил Григорий Ефимович и качнул головой. — Не помогло. Маму-то напугать несложно, да только она, по слабости своей бабьей, донести ничего толком не может. Папашка ее обнял, погладил да и успокоил. Может, ты попробуешь?

— Я?! Нет уж. Если он тебя не слушает, меня — и подавно не станет...

¹Пятирублевая ассигнация была синего цвета.